

Из тени в свет перелетая

(пьеса-воспоминание в 2 действиях)

Михаил Занадворов

Время и место действия пьесы — Москва 1982 — 1985 годов.

Действующие лица (в порядке их появления на сцене):

МИША, 33 года. Бывший аспирант факультета психологии МГУ, в этот период — сторож, диспетчер ЖЭКа.

МАРГАРИТА АЛЕКСЕЕВНА, 60 лет. Бывший экономист ЦСУ, ныне на пенсии.

ПЕТР ИВАНОВИЧ, 52 года. Участковый милиционер.

МАША, 25 лет. Поэтесса, выпускница Литинститута. Невеста Миши.

ВОЛОДЯ, друг Миши, 28 лет. Выпускник технического вуза, без определенных занятий.

БОРИС, друг Миши, 40 лет. Переводчик, псаломщик в церкви.

ИГОРЬ, 42 года. Псаломщик в церкви, толкователь Апокалипсиса.

ВЛАДИМИР ДМИТРИЕВИЧ, 35 лет. Сотрудник КГБ, майор. Молодой, перспективный, делает карьеру.

ФЕДОР БОРИСОВИЧ, 55 лет. Врач-психиатр. Крупный, представительный мужчина в больших роговых очках.

Церковный сторож.

Сосед и соседка.

Больные разного возраста из психиатрической больницы.

Медсестры и санитары психбольницы.

Пролог

За сценой слышен глуховатый негромкий голос, который почти без интонаций читает стихи: “Рожденные в года глухие...” от начала до конца стихотворения. На сцене — полная темнота. Когда зажигается неяркий свет, мы видим героя пьесы — Мишу, который сидит на стуле посреди сцены. Глаза его закрыты, он погружен в глубокую задумчивость. Все дальнейшее — его видения или воспоминания. Сцена вновь погружается в темноту, и луч прожектора, словно вспышки воспоминаний, выхватывают из темноты Мишину тещу, Маргариту Алексеевну, Участкового, Мишиных друзей — Володю и Бориса, Сотрудника КГБ, Психиатра, Машу, Игоря, безымянных персонажей — больных психбольницы. Все действующие лица — в застывших позах. Когда свет зажигается снова, сцена пуста.

Сцена 11

Кабинет зав. отделением психбольницы. За большим письменным столом — лысоватый мужчина с крупным мясистым лицом лет 60, в больших роговых очках. На стене — портрет Павлова. Стол завален папками, историями болезни. На стуле — Миша, в больничной одежде, растерянный.

Врач (*не отрывая взгляда от амбулаторной карты*): Я — ФЕДОР БОРИСОВИЧ, ваш лечащий врач (*изображая участливость*): на что жалуетесь, что вас беспокоит?

МИША. Федор Борисович, раньше все вроде было нормально. Но в последние месяцы появилась какая-то тревога, непонятные страхи. Кажется, что мои разговоры прослушивают, что на улице за мной следят неизвестные люди. Даже было ощущение, что хотят арестовать.

ФЕДОР БОРИСОВИЧ. И кто же, интересно, вас хочет арестовать?

МИША. Да органы КГБ. Якобы “за антисоветскую деятельность”.

ФЕДОР БОРИСОВИЧ. Так... Типичные симптомы. (*Записывает в карту, говоря в сторону*): “бред преследования, страхи бредового характера”.

А вот здесь еще врач из диспансера записала (*громко читает*): утверждает, что верующий, верит в Бога, в Иисуса Христа. Как это с вами случилось?

МИША. Что случилось?

ФЕДОР БОРИСОВИЧ (*сердится*): как это — что случилось? Как это вы вдруг в Бога поверили? Кто-то убедил вас? Или сами?

МИША. Я сам... давно уже стал размышлять о смысле жизни... духовные поиски...

ФЕДОР БОРИСОВИЧ. Так-так... появились мысли о смысле жизни, увлечение философией. Очень интересно.

МИША. И потом еще — я ведь поэт. Пишу стихи. И вот однажды появилось бы как будто озарение, что стихи просто так не рождаются, из какого-то быта, обыденности, что это — дар свыше, с неба.

ФЕДОР БОРИСОВИЧ. Какая мысль! “Внезапное озарение...” ведь это же явное начало болезни. Вас это не встревожило, вы не пошли к врачу, к психиатру? Такие странные явления в голове...

МИША (*не понимая*): Зачем — к психиатру? Что же, тогда все поэты — душевнобольные?

ФЕДОР БОРИСОВИЧ (*пишет*): “Отсутствие критики”. (Мише): Да уж, не здоровые, особенно те, которые мистики. Расскажите-ка мне еще про ваши “явления”.

МИША. Какие явления? Ничего такого у меня нет.

ФЕДОР БОРИСОВИЧ (*укоризненно*): Не отрицайте, в вашей истории болезни записано об явлениях ангелов и святых.

МИША. У меня не было таких явлений. Я просто верю...

ФЕДОР БОРИСОВИЧ (*не слушая, развеселившись*): И в каком же виде являются? В виде призраков? В полночь? (*напевает*): В двенадцать часов по ночам...

МИША. Да вы же меня не слушаете! Я объясняю, что просто верю, что святые могут являться некоторым людям, по их молитвам. И потом, это же чистая логика: раз я верю в существование иных миров, то есть же какое-то общение между нашим миром и иным.

ФЕДОР БОРИСОВИЧ (*записывает, в сторону*): Верит в существование иного потустороннего мира, зрительные галлюцинации... Ну-с, на что еще жалуетесь? Здесь еще написано, что вас не интересуют явления окружающей жизни? Наш социальный строй вам глубоко чужд?

МИША. Про строй я ничего не говорил. Да, так называемая “окружающая жизнь”, про которую в газетах пишут, меня мало интересует. Я стремлюсь к духовной жизни.

ФЕДОР БОРИСОВИЧ. Духовная жизнь? Поповщина, вера в Бога? (*записывает, в сторону*): сверхценные идеи, оскудения интересов, эмоциональной жизни. Что же, теперь все понятно. Постараемся вас вылечить от ваших “видений”.

МИША. И долго будет продолжаться мое лечение?

ФЕДОР БОРИСОВИЧ. Все зависит от течения болезни, от диагноза... Месяца два-три, не менее. Сейчас идите в палату, дежурный врач вас ознакомит с нашим распорядком. (*кивает, машет рукой. Входит санитар и уводит Мишу*).

ФЕДОР БОРИСОВИЧ. Полный набор симптомов, хоть студентам показывай. Жаль, что нельзя.

(*звонит телефон*)

ФЕДОР БОРИСОВИЧ. Да, это Федор Борисыч. Владимир Дмитрич? Узнал вас. Что? Подозреваете в симуляции шизофрении? Заведено дело? Нет-нет, симуляция исключена. Стопроцентный шизофреник. Можете мне поверить, я психиатр с 30-летним стажем. Лечить получше? Вылечим! Будет здоровенький, как огурчик. (*смеется*)

Свет гаснет.

Сцена 12

На сцене темно. За сценой в темноте слышится песня Галича: “Шизофреники вяжут венки, а паранойки рисуют нолики...” Свет зажигается. На сцене — помещение ЛТМ (лечебно-трудовые мастерские). Больные разного возраста, все — мужчины, очень сосредоточенно, от напряжения высовывая языки, орудут отвертками, развинчивая счетчики и другие электроприборы. Где-то среди них — Миша. По радио диктор бубнит: “Передовики производства... коллектив завода “Серп и Молот”... трудовая вахта...”

Разговоры больных разного возраста.

1-й больной. А у нас на полдник за работу по два стакана компота дают. Свежие яблоки, пополам с грушами.

2-й больной. А вот в нашем отделении дают по одному стакану сметаны. Жирная, совсем неразбавленная! Один так торопился, на себя весь стакан опрокинул. Перемазался! (все дружно смеются).

3-й больной. А вот у нас ваще! По стакану компота, да еще пачку вафель ананасных “Красный октябрь”, да печенья по 3 штуки.

4-й больной. Слушай, как у нас бывает, со смеху помрешь. Сам зав. отделением приходит с компота пробу снимать. Зараз по три стакана выпивает. Вот так — уух! (*показывает*)

1-й больной. А что у нас вчера было за обедом! Двое, ну которые на работу не ходят, начали все хватать, вафли, печенья, и в рот запихивать. От жадности давятся, а мы им тут надавали, да еще санитаров позвали. Их скрутили и на уколы повели.

Звучит резкий звонок. Больные уходят на перекур. Собираются в большом холле на “производственную гимнастику”. Вперед выходит инструктор — плотно сбитая женщина с химической завивкой лет 40, командует: “Начинаем производственную гимнастику”. Туловище прямо, ноги на ширине плеч. Раз-два-три-четыре... Руки вверх, потом в стороны...” Больные с трудом вытягивают дрожащие руки, потом ноги. Дергаются, мышцы от лекарств сводит судорога. Инструктор нодовольно морщится. “Слабовато делаем. Стараемся, стараемся... Раз-два-три... (хлопает в ладоши, задавая темп). Кому тяжело, разрешаю посидеть”. Двое больных ложатся на кушетки. Трое — прямо на пол. Остальные продолжают.

Гимнастика кончается.

Медсестры выстраивают больных и ведут в свои отделения. В одной колонне — Миша, он шепотом молится: “Святой Боже, Святой Крепкий, Святой бессмертный...”

1-й больной — Мише: “Что бормочешь? “Голоса”? Меня они тоже замучили. В левом ухе — голос любовника жены, издевается: “Ты, дурак, в психушке сидишь, а я тут с твоей женой трахаюсь”. А в правом ухе — голос нашего главврача: “Будешь таблетки выплевывать — на уколы посажу!”

4-й больной: “А мне рожи видятся мерзкие, черные, зеленые... Давеча в телевизоре их видел: кривляются, ухмыляются.

1-й больной: Дурак ты совсем! Это же партийный съезд был!

Уходят со сцены. Свет гаснет.

Сцена 13

(Тот же кабинет зав. Отделением психбольницы, как и в сцене № 11. Федор Борисович сидит за столом, просматривает истории болезни. Входит Миша, коротко остриженный, в больничной пижаме, худой, робко озираясь).

ФЕДОР БОРИСОВИЧ. Ну, Михаил, зачем пожаловал? Ладно уж, уделю тебе минут двадцать. Больше не могу. Как самочувствие, настроение?

МИША. Федор Борисович, я хочу сказать... Я уже два месяца здесь. Чувствую себя хорошо, нормально. Почти совсем выздоровел. Вот только мышцы болят во всем теле. Даже судороги... Почему это?

ФЕДОР БОРИСОВИЧ. Ну, это побочные действия от лекарств... Тебе что, не дают корректора? Как же так? Ладно, добавим тебе препаратов, отменять пока рано.

МИША. Отпустите меня домой, устал я здесь.

ФЕДОР БОРИСОВИЧ. Да ты в своем уме? Что ты — отпустить? Так мы всех отпустим, без зарплаты останемся. И что значит “выздоровел”? (Довольно улыбается). Во-первых, от наших болезней не выздоравливают. Возможно только улучшение, и то небольшое. Во-вторых, я у тебя и признаков улучшения особенно не вижу.

МИША (*чуть не плача*): Как это не видите? Настроение хорошее, мысли у меня, как раньше было, не беспокоят.

ФЕДОР БОРИСОВИЧ (*заинтересованно*): Что, исчезли навязчивые мысли? И вообще мыслей нет? Никаких? Всего за два месяца! Какой эффект!

МИША. Да, совершенно никаких. Такое ощущение, словно вместо мозгов — какая-то серая вата. Почему это? Полное отупение...

ФЕДОР БОРИСОВИЧ. К сожалению, таковы побочные действия препаратов. Подавляются не только бредовые, сверхценные идеи, но и любая умственная активность. Да тебе сейчас и думать вредно. Думать за вас врачи будут.

МИША (*внезапно*). Какой же диагноз вы мне поставили?

ФЕДОР БОРИСОВИЧ. Не могу сказать, извини. Врачебная тайна. Не имею права, в интересах больного. А что касается “выздоровления”... Должны быть ясные симптомы. Улучшение социальных контактов, например. А многие больные (*заглядывает в папку*) на тебя жалуются, что ты заносчивый, высокомерный. Не хочешь с ними общаться. Это же аутизм!

МИША (*растерянно*). Да почему аутизм? Мне просто с ними неинтересно. У меня здесь нет друзей.

ФЕДОР БОРИСОВИЧ (*назидательно*). Вот и плохо, что нет. Уединяешься, часами один сидишь, думаешь о чем-то... (*внезапно, как бы озаренный мыслью*) Как же ты думаешь, без мыслей? Это же загадка какая-то... Метафизика!

МИША. О чем мне говорить с тяжелобольными, слабоумными? Что у нас общего?

ФЕДОР БОРИСОВИЧ. Почему такой снобизм? Не одни же у нас тут слабоумные? А ты разве не больной? А, может, ты и вправду здоровый, а мы вот ошиблись, недоглядели? (*с подозрением смотрит на МИШУ*).

МИША. (*на мгновение видит в нем образ майора КГБ ВЛАДИМИРА ДМИТРИЕВИЧА, испугано*). Да нет, как же здоровый, если я в психбольнице.

ФЕДОР БОРИСОВИЧ. Ну вот, сам видишь, рано тебе еще о выписке думать. Ладно, иди давай в палату, а то мне на обход идти. Поправляйся давай, про таблетки не забудь.

Сцена 14

(На прогулку в зарешеченный дворик больницы выходят больные, один за другим, человек 7 – 8, одетые в телогрейки и ватники (на улице холодно, ноябрь), с номерами “22” на спине. Процессию возглавляют два санитары, в белых халатах и сапогах. Возле дворика с ключами стоит немолодая полная медсестра, с добродушным лицом. К ней робко подходит девушка с сумкой в руках. Это Маша.

МАША (к медсестре). Разрешите мне с Мишей поговорить. Вот он (*указывает на Мишу, он смотрит на Машу сквозь решетку*). Я раньше не могла никак... У вас тут карантин был.

МЕДСЕСТРА. Да сейчас не время. Неприемный день. А ты кто ему будешь?

МАША. Я? Я его невеста. Дайте нам поговорить. Вот, на скамейке поговорим.

МЕДСЕСТРА (*с сожалением в голосе*). И как тебя угораздило в такого влюбиться?

МАША. Да мы уже в загс собирались идти, и вот внезапно случилось...

МЕДСЕСТРА (*смягчаясь*). Да он ваще-то ничего, тихий. Все думает о чем-то или молитвы читает потихоньку. Кроткий, никому сдачи не может дать.

МАША. Ну пожалуйста, позовите его. Мы недолго.

МЕДСЕСТРА. Ну, ладно. Задворный, пришли к тебе!

(Миша выходит из дворика. Они робко обнимаются, потом садятся на деревянную скамеечку, в нескольких шагах от медсестры. В дальнейшем их беседа то и дело перебивается голосами больных, которые порой совершенно их заглушают, и мы слышим только обрывки разговора).

МИША (*старается бодриться*). Вот и Маша пришла, пирожков принесла!

МАША (*всматриваясь в Мишу*). Миш, какой ты худой, весь щетиной оброс... Ежик в колючей шубке! Ежик в колючей шубке! (*проводит ладонью по щеке Миши*).

МИША (*шутливо обижаясь*). Ну ладно, ты сама Царевна-Лягушка! Обрастешь тут. Нам же, “психам”, бритвы не дают. Чтоб друг друга не порезали. Да и зеркала нет — по той же причине.

(Несколько больных ходят по прогулочному дворику, туда-обратно, по 10 шагов. Остальные стоят или сидят, прямо на земле).

1-й БОЛЬНОЙ — 2-му. Слышь, брат, дают тебе желтые таблетки, здоровые такие? От них такая хреновень... Все мышцы скручивает, глаза слезятся и язык набок вылезает. Я врачу говорил, да бесполезно.

ВТОРОЙ. А ты чо, дурак, чо ли? На фиг тебе таблетки? Выплювывай их. И все.

МАША. Пирожки не принесла, зато вот тут много всего (*вынимает из сумки продукты*). Вот, бутерброды с колбасой, с сыром, пряники, сок вишневый. Ешь скорей, не могу на тебя такого смотреть. Какой ты голодный!

МИША (*набрасывается на еду, с набитым ртом*). Как вкусно! Спасибо, накормила голодающего!

ТРЕТИЙ БОЛЬНОЙ (*мечтательно*). А мне такие зеленые таблетки дают, круглые. От них потрясный кайф, вроде легкость в теле необыкновенная. Готов прямо как чайка — раскинуть руки, взмыть и лететь, лететь... К чертовой матери лететь! Только окна все в решетках.

ЧЕТВЕРТЫЙ БОЛЬНОЙ (*интеллигент, с бородкой под Чехова*). Ну ты, чайка Джонатан Ливингстон!

ТРЕТИЙ БОЛЬНОЙ (*оскорбленно*). Я что, американский шпион? Щас ты у меня получишь! (*замахивается на него кулаком*). Санитар подбегает, дает ему по шее, заламывает руку.

МИША Да... давно хотел спросить. Как там Маргарита Алексеевна, в порядке? На пенсию еще не вышла?

МАША. С мамой все отлично. Вся в работе, вовсю пашет в своем ЦСУ. Так что я пока на свободе, не под конвоем.

МИША (*шутливо*). А как там ваша Динка? Облаивает всех подряд? Классная собака!

ПЯТЫЙ БОЛЬНОЙ. Собаки, собаки! Откуда тут собаки? Пошли вон! Брысь, брысь!

МАША. Миш, у нас мало времени. Давай о главном. Как же ты здесь, среди этих...!?

МИША. Да ничего. И здесь тоже люди живут. Психи, они что, не люди? Знаешь, как иногда погово-

рить интересно! Вот только вороватые очень. Поэтому я такой голодный... они же всю еду у меня тащат. И жрут. Вот, три дня назад, на столе в буфете оставил недоеденный бутерброд. С копченой колбасой. Вышел на минутку, вернулся — бутерброда уже нет. И так каждый день. Пряников кулек утащили...

ПЕРВЫЙ БОЛЬНОЙ — ВТОРОМУ (*продолжая разговор*). Попробуй только не проглоти эту гадость! Медсестра, ну эта, Танька рыжая, лезет ложкой в рот или прямо пальцем и смотрит, не заныкал ли я под языком. Пару раз она меня поймала, так потом уколы в жопу назначила. Неделю потом сидеть не мог.

ВТОРОЙ. Соображать надо! Я секрет знаю, куда заныкать. Хошь, покажу?

МАША (*с ужасом*). Тебя надо спасать отсюда! Смотри. До чего ты дошел — дергаешься весь, глаза запали... (*говорит шепотом*). У меня есть план. Тебе надо бежать!

МИША (*пораженный*). Как?! Разве это можно?

(Медсестра начинает прислушиваться. Маша зажимает Мише рот рукой, и они говорят шепотом, так что мы дальше не слышим, о чем они говорят. Маша рисует что-то на листке, потом сует Мише листок и какой-то предмет. Миша прячет все это в носок).

Свет на сцене медленно гаснет.

Потом — полная темнота. Горит только пара фонарей. В свете прожектора мы видим, как Миша, в больничной одежде, открывает трехгранным ключом дверь отделения, выходит на улицу, крадется к дыре в заборе... Дальше мы слышим вой сирены, скрежет тормозов. За сценой на заднике видно, как остановилась “Скорая”. Из нее выбегают два санитаря, скручивают Мишу, заталкивают в машину. Машина, загудев, куда-то уезжает.

Сцена 15. Разговор с тещей (продолжение 1 сцены)

Интерьер тот же, как и в 1 сцене 1 Действия

МАРГАРИТА АЛЕКСЕЕВНА. Какая у вас книжка — грязная, замусоленная... Противно в руки взять. (Листает, с сарказмом): Хороша у вас трудовая биография, ничего не скажешь! Полгода здесь, три месяца там... Сторож, диспетчер Жэка... Легкой жизни все ищете! Летаєте, как птички, с ветки на ветку, зернышки клюете.

МИША. Живите, как птицы небесные, — сказано в Евангелии.

МАРГАРИТА АЛЕКСЕЕВНА. Не юродствуйте! Мне ваш Христос не указ.

МИША. Я не ищу легкой жизни, я ищу себя. Есть разные обстоятельства...